This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

805
B554
V.9

B 934,118

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

9)

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢД

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛО

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГ

ПРИ СЕНАТСКОЙ ТИПОГР.

1813 года.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770996A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

805
B554
v.9

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 20 дня 1812 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.

ОПЫТЪ

О РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

IIый КАНТЕМИРЪ.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Цареградѣ въ 1709 году отъ Князя Димитрія Кантемира и Смарагды Кантакузены, дочери Князя Волошскаго, произшедшаго отъ древнихъ Греческихъ Императоровъ сего имени. Въ 1710 году Ахметъ третій, Султанъ Турецкій, пожаловалъ Князю Димитрію, отцу Антіохову, за многія оказанныя имъ Оттоманской Портѣ важныя услуги, Княжество Молдавское, которое уже и прежде предкамъ его принадлежало. Князь Димитрій не хотѣлъ принять онаго, но Порта обѣщала уволить его отъ платежа Визирю и другимъ придворнымъ великихъ денежныхъ суммъ, которыя они съ новопоставляемыхъ Князей

PERL JAN 21 1935

брать обыкли. Сіе побудило наконецъ Князя Димитрія принять предлагаемое ему достоинство. Но едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Яссы, какъ отъ Верьховнаго Визиря получилъ весьма строгое повелѣніе о поднесеніи Порѣ обыкновенныхъ подарковъ; при чемъ предложены были еще требованія, совсѣмъ противныя его обязательствамъ. Таковая Оттоманской Порты несправедливость, особливо же свирѣпство Турковъ къ Молдавскому народу, вдохнули ему мысль, какъ бы свое Княжество избавить отъ угнѣтенія, и освободить Христіанъ, своихъ подданныхъ, отъ тяжкаго ига невѣрныхъ.

Пришествіе Петра Великаго съ войсками, и учиненныя отъ Государя сего предложенія, казались ему весьма благовременнымъ случаемъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Онъ заключилъ съ Петромъ Великимъ договоръ, котораго пункты въ 1711 году въ Яссахъ утверждены были присягою; но противное щастіе Россійскаго оружія при Прутѣ пресѣкло всѣ сіи намѣренія. Такимъ образомъ помощь, которую Димитрій Кантемиръ надѣялся

получить къ вѣчному обладанію своимъ Княжествомъ, едва могла спасти собственную его особу и семейство. Первое при перемиріи требованіе отъ Порты было выдать Каншемира, однакоже Петръ Великій, при всѣхъ своихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, на то не согласился, и лучше желалъ уступить Туркамъ знатную часть земель, нежели отдать имъ въ руки Князя, который по усердію къ нему оставилъ свое Княженіе и котораго взялъ онъ подъ свое покровительство.

По заключеніи мира Молдавскій Князь слѣдовалъ за Петромъ Великимъ въ Россію, гдѣ въ вознагражденіе за потерянное владѣніе своё объявленъ Россійскимъ Княземъ и пожалованы ему немалыя деревни въ Украйнѣ. Онъ прилагалъ крайнее попеченіе о воспитаніи своего сына, въ которомъ примѣчалъ великую склонность къ наукамъ Но по возвращеніи съ Петромъ Великимъ изъ Персидскаго похода, куда и сынъ его съ нимъ ѣздилъ, вскорѣ занемогъ и умеръ.

Юный Антіохъ Каншемиръ по смерти отца своего продолжалъ съ такимъ же прилѣжаніемъ украшать природный разумъ

свой различными познаніями. Онъ проходилъ кругъ выпшихъ наукъ, преподаваемый искуснѣйшими, призванными Петромъ Великимъ Профессорами въ новоучрежденной тогда Санкпшенербургской Академіи. Математикѣ учился онъ у славнаго Бернулія, физикѣ у Бифлингера, Исторіи у Бейера, правоучшшельной философіи у Гросса, спшхотворенію и краснорѣчію у Ильинскаго, и во всѣхъ сихъ наукахъ оказалъ великія успѣхи. Сверьхъ сего прилѣжно упражнялся онъ въ чтеніи Священнаго Писанія, что доказываетъ и сочиненная имъ на Россійскомъ языкѣ и въ печать изданная на Псалтирь Симфонія. Векорѣ оказалась въ немъ склонность къ спшхотворенію. Онъ, не имѣя еще двашцати лѣтъ отъ роду, сочинилъ первую саширу къ уму своему. Ученѣйшіе тогда мужи Ѳеофанъ Архіепископъ Новгородскій и Ѳеофилъ Кроликъ Архимандритъ Новоспасскій, спшхами своими, одинъ на Рускомъ, а другой на Латинскомъ языкѣ, похвалили сіе первое пера его произведеніе. Чрезъ нѣсколько потомъ времени показались вшорая и шретія саширы его, имѣвшія толь великой успѣхъ,

что многіе стихи оныхъ сдѣлались пословицами. Скоро слава о немъ распространилась повсюду. Въ 1732 году Императрица Анна Ивановна пожаловала ему пятьсотъ душъ, и назначила его Министромъ къ Великобританскому Двору. По прибытіи въ Лондонъ пріобрѣлъ онъ тамъ великое къ себѣ уваженіе и довѣренность. Таланты его въ политическихъ дѣлахъ открылись не меньше, какъ и въ другихъ свѣденіяхъ. Онъ посвящалъ себя государственнымъ дѣламъ, и находилъ время обращаться съ учеными людьми. Онъ еще въ бытность свою въ Англіи возведенъ былъ въ достоинство полномочнаго Посла, и потомъ въ томъ же званіи посланъ во Францію, гдѣ также снискалъ къ себѣ отличную довѣренность, и въ самыхъ трудныхъ по смерти Императрицы Анны Ивановны политическихъ обстоятельствахъ умѣлъ вести себя такъ искусно и осторожно, что и свой и чужіе Дворы всегда были имъ довольны. Онъ имѣлъ весьма острый и проницательный умъ, обогащенный обширными свѣденіями; но главныя достоинства его были благоразуміе и честность. Онъ былъ

строгій наблюдатель Христіанскаго закона, и для сего читалъ наилучшія книги, касающіяся до вѣры и благочестія, признавая, что Философія приводитъ человѣка къ добродѣтели только словами, а Христіанскій законъ самымъ дѣломъ путь къ ней показываетъ. Всѣ политическія дѣйствія его клонились къ удержанію добраго согласія и тишины между Державами. Онъ говорилъ многими языками, а именно: Россійскимъ, Молдавскимъ, Латинскимъ, Италіанскимъ, Французскимъ и нынѣшнимъ Греческимъ; сверьхъ того разумѣлъ Еллинской, Гишпанской и Англинской языки. Любилъ онъ самой молодости до конца дней своихъ читать и, въ свободные отъ дѣлъ своихъ часы, упражняться въ стихотворствѣ. Писалъ стихи свои такъ называемымъ среднимъ Россійскимъ стихотворствомъ. Напослѣдокъ въ 1744 году, удручаемый долговременною болѣзнію, къ общему всѣхъ сожалѣнію скончался на 35 году отъ рожденія своего. Россія потеряла въ немъ усерднаго сына, Дворъ просвѣщеннаго Министра, ученые знаменитаго собрата, честные люди добраго пріятеля.

Труды его по словесности состоятъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Сочиненія его суть: 1 е Симфонія на Псалмы, 2 е руководство къ Алгебрѣ, 3 е Петроида, Героическая поема, оставленная недокончанною, 4 е письменное сочиненіе о Просодіи. 5 е Восемь сатиръ стихами, и нѣсколько басенъ, эпиграммъ и пѣсенъ. Сіе изданіе поднесено имъ самимъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и послѣ обогащено примѣчаніями. Переводы его съ иностранныхъ языковъ суть слѣдующіе: 1-е, Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ, съ примѣчаніями; 2-е, Юстинова Исторія; 3-е, Гораціевы письма и Анакреонтовы оды, преложенныя Россійскими стихами безъ рифмъ; 4-е, Корнелій Непотъ; 5-е, Кевитова таблица; 6-е, Письма Персидскія; 7-е, Епиктитово нравоученіе; 8-е, Разговоры о свѣтѣ Г-на Алгаротти. Сверхъ сего весьма сожалѣютъ о неизданіи въ свѣтъ политическихъ сочиненій его, то есть: донесеній и разсужденій, касающихся до дѣлъ и прибытковъ знатнѣйшихъ въ Европѣ Дворовъ.

Мы намѣрены говорить здѣсь о сатирахъ

его, яко главнѣйшемъ сочиненіи, оставшемся послѣ него, и которое, не взирая на другой принятой нами родъ стихотворства, всегда оставаться будетъ классическимъ твореніемъ, украшающимъ Россійскую словесность. Первая сатира его *къ уму своему* состоитъ въ обличеніи воспающаго противъ наукъ невѣжества. Онъ начинаетъ ее сими стихами:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть Творцемъ не слыти.

Потомъ объясняя, какъ путь предлежащій писателямъ труденъ, какъ для многихъ неудаченъ, и притомъ безприбыленъ, говоритъ:

. . . . . Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мрамором саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Послѣ сего представляетъ многихъ невѣждъ, изъ которыхъ каждый, презирая науки, разсуждаетъ по своему. Иной изъ нихъ говоритъ:

Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.

Другой:

Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подшверждать, иль отрицать смѣло.

Третій:

Землю въ четверти дѣлить, безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счислимъ.

Четвертый опвергая ученіе словесности и любя только пировать и веселиться, толкуетъ:

Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзеи, живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ, чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ веселѣ, въ пирахъ мы жизнь должны провождати,
И такъ она не долга, на что коропати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли опымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость опводитъ
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь проглянушъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда оставя стаканъ, примуся за книгу.

Потомъ о невѣждѣ, полагающемъ все свое блаженство въ нарядахъ и щегольствѣ, Сатирикъ говоритъ:

Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри:
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.

Егоръ и Рексъ были извѣстные тогдашняго времени одинъ сапожникъ, а другой портной. По описаніи такимъ образомъ разныхъ толковъ, выходящихъ изъ устъ невѣждъ, Сатирикъ, обращаясь къ уму своему, говоритъ:

Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ
въ уши,
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую тебѣ.

Здѣсь начинается у него споръ съ умомъ, который представляетъ ему, что хотя невѣжды и не любятъ наукъ, но слова ихъ умнымъ людямъ не успавъ. Сатирикъ от-

вѣчаетъ, правда твоя; но много ли найдешь ты умныхъ людей, и въ чемъ почитается умъ? Хочешь ли (говоритъ) судьею стать?

. . . . . Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.

Золотой вѣкъ (продолжаетъ онъ) не дошелъ до насъ:

Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.

Невѣжество

Гордится подъ митрою, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ;

А наука бѣдная, ободранная.

. . . . . Въ лоскуткахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки,
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Потомъ разсуждая, что всякой, ничему не учась, себя только считаетъ достойнымъ всякихъ почестей, говоритъ:

Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглой церковникъ
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.

Послѣ сего обращаясь опять къ уму своему, продолжаетъ:

Таковы слыша слова и примѣры видя
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя;
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.

Таковая сатира, какъ по новости своей на Рускомъ языкѣ, такъ и по достоинству стиховъ ея, долженствовала обратить вниманіе всѣхъ любителей словесности на юнаго ея сочинителя. Она должна была тѣмъ больше понравиться благоразумнымъ людямъ, что осмѣиваетъ главные тогдатняго времени пороки. Изъ ней ясно видимъ мы, что со введеніемъ наукъ вошли вмѣстѣ къ намъ и безумныя чужимъ землямъ подражанія и обезьянства, сдѣлавшія насъ и внутри и снаружи непохожими на

самихъ себя. Видимъ, что если были у насъ старинныя невѣжи, отвергавшіе науки, то скоро появились и такіе новые невѣжи, которые вмѣсто наукъ перенимали *парики съ узлами*, предпочитали Сенекѣ *фунтъ доброй мудры* и думали, что портной *Рексъ* можетъ сдѣлать ихъ отличными въ Государствѣ людьми. Сомнительно, которые изъ сихъ невѣждъ одни другихъ глупѣе. Но какъ бы то ни было, Сатира ясно показываетъ, что сіи заморскія сѣмена, уже и въ тогдашнее время, то есть скоро послѣ посѣву своего, крѣпко расплодились, и повидимому гораздо плодороднѣе были, чѣмъ сѣмена полезныхъ знаній и наукъ. Младый Кантемиръ, ободренный успѣхами первой Сатиры своей, вслѣдъ за нею написалъ вторую. Въ ней съ новымъ искуствомъ сіяющаго въ прекрасныхъ стихахъ здраваго разума обличаетъ онъ пѣхъ знатнаго рода дѣтей, которые, не занявъ отъ отцовъ своихъ ни трудолюбія, ни благонравія, тщеславятся однимъ своимъ благородствомъ и завидуютъ тѣмъ людямъ, которые, будучи меньше ихъ знатны, трудами и заслугами своими снискали себѣ

доброе имя и достойныя почести. Сапира сія хотя и всѣмъ временамъ приличествуетъ, однако же въ то время, когда онъ написалъ ее, долженствовала она еще большее производить дѣйствіе надъ умами, потому что не задолго предъ тѣмъ, а именно при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ истреблено было вредное для службы такъ называемое *мѣстничество*. Онъ начинаетъ ее разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, двумя вымышленными лицами, изъ которыхъ одно опровергаетъ несправедливыя жалобы другаго. Филаретъ увидя Евгенія говоритъ:

Что такъ смущенъ дружокъ мой? щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ какъ попъ, что чинъ Патріаршъ достати,
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не къ стати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, виналь дорогова?
Мацерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? Ужли твои успа косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали

Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А а! Дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туліи деревнями
Награжденъ, ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ; къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ.
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній отвѣчаетъ, что часть грусти его онъ отгадалъ, и что ему конечно немалая обида видѣть другихъ награждаемыхъ чинами, а себя забытымъ. Въ доказательство сей несправедливости, представляя заслуги предковъ своихъ, говоритъ:

Знатны ужъ предки мои были въ Царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, Намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьіомъ, умомъ, не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы,
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.

А батюшка! ужъ всѣмъ верхъ! Какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало!
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги.
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что всякъ день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ
И отъ которыхъ нашъ братъ милости ожидаетъ,
Сколько разъ, не смѣя къ нимъ приступить къ нимъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Запороптавъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.

По описаніи поль живыми красками сего примѣчаемаго во многихъ такъ называемаго *подтрунываніи* случайнымъ людямъ, Евгеній продолжаетъ:

Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Отсль славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину?

Филаретъ начинаетъ здѣсь нравоученіе свое и продолжаетъ оное до конца Сатиры Онъ говоритъ:

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.

А вѣдай при томъ, что я лукавыхъ примѣты:
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ, то сей вымолвитъ ясно.

По объявленіи о семъ чистосердечіи своемъ продолжаетъ, что хотя благородство, будучи наградою заслугъ само собою важно и почтенно; однакожъ надобно заслуженную предками славу присвоить себѣ собственными своими трудами и доспоинствами. Ибо, говоритъ:

. . . . Грамота плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣлами есть свидѣтель.
Благородными явитъ одна добродѣтель.

И обращалсь къ Евгенію вопрошаетъ его:

Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопасству общества разширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ Царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободренъ ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Вѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?

Независтливъ, ласковъ, правъ, негнѣвливъ, беззло-
бенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счестьси Гектору, иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.

Потомъ говоритъ, что конечно въ доспойномъ и добронравномъ внукѣ несправедливо забывать службу дѣда его, но (продолжаетъ:)

Ты самъ праотцевъ твоихъ исчисляя славу
Признаешь, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву.
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ, тихъ, бѣгая обиды,
Всѣхъ были различные достоинства виды;
Естьлибъ ты имъ подражалъ, правобъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселкѣ, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, вспала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ, тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопишь, когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выспишся до воли,
Тянешся ужъ часъ другой, нѣжишся сжидая
Поила, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Кипая.

Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и въ прудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину
Часть надъ лоскимъ лбомъ, торчать будутъ саповишы,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завишы
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ, ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится!
Набитъ полъ, и подъ башмакъ сперто много мѣлу,
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ Римлянов пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды,
Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну, зеленъ въ городѣ не досаждалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не опигчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло,
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.

Здѣсь описывая безполезное путешествіе его въ чужіе земли, для перенятія только тогдашняго въ одѣждѣ щегольства и вкуса, говоритъ:

Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Ижденій и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, нежидки,
Въ полъ-аршина глубоки и синомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не былибъ спаномъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто, или осенью, въ зиму, иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнѣе нашить сребро, или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.

По описаніи такимъ образомъ сего щеголя съ глубокими и твердыми фалдами, льщѣ въ глазахъ нашихъ столько же страннаго, сколько и мы нѣкогда странны будемъ въ глазахъ нашихъ потомковъ, продолжаетъ онъ далѣе описывать нравъ его и поведеніе. Говоритъ:

Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ иногда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекочетъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись намѣстниковъ Царскихъ чисто сѣмя,

Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется,
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется
Когда исполнишь твоихъ пожитковъ осмотки:
Боюсь я успѣ, что въ лицо точатъ слова сладки!

Потомъ Сатирикъ говоритъ, что Евгеній, не имѣя ни въ чемъ никакихъ свѣденій, и утопая въ роскошахъ и нѣгахъ, неспособенъ быть ни предводителемъ войскъ, ни мореплавателемъ, ни судьею, ни хорошимъ придворнымъ. Каждаго изъ сихъ званій исчисляетъ онъ обязанности, и прекрасно описываетъ должность полководца, слѣдующими стихами:

Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ Воеводы
И много разныхъ искуствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видѣть однимъ взглядомъ,
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ таинные совѣты,
Времянно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, необидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло перунъ сходитъ

Страшно время. Въ щастіи умѣренъ быть знаетъ
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ, не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чтишь имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишся ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстишь смертныхъ столь
мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ лишь берегъ оставилъ;
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ! Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верьху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре.
Твоя душа требуетъ разстоянья шире!

Потомъ Сатирикъ, описавъ искусно главныя должности мореплавателя, какъ бы самъ былъ онымъ, говоритъ Евгенію:

. . . . На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, нежь строй и осада.

Наконецъ говоритъ о судьѣ, о придворномъ; какъ одинъ изъ нихъ долженъ быть свѣдущъ въ законахъ, правосуденъ, нелицепріятенъ, и чтобъ *рѣчистая деньга* одолѣть его не могла; а другой вѣжливъ, украшенъ многими пріятностями, ловокъ, искусенъ нравиться; печаленъ и радостенъ, при-

мѣняясь по лицу другихъ; къ стати молчаливъ, и къ стати краснорѣчивъ. По описаніи сего оканчиваетъ сатиру свою тѣмъ, что совѣтуетъ Евгенію исправиться, и до тѣхъ поръ, что онъ забылъ, не чувствовать досады, быть спокойнымъ и не имѣть зависти къ тѣмъ, которыхъ предки хотя въ Царство Ольги и не были Думными и Намѣстниками, однакожъ они сами собою и дѣлами своими заслужили общее отъ всѣхъ уваженіе.

Третію сатиру свою приписалъ онъ Ѳеофану, и начинаетъ ее воззваніемъ къ нему. Послѣ сего, обращаясь къ людскимъ порокамъ, сперва описываетъ скупаго собирателя богатствъ, потомъ расточителя, потомъ вѣстовщика, а потомъ говоруна.

О сихъ двухъ распространяется отличнымъ образомъ: о вѣстовщикѣ говоритъ:

Съ зарею вставши Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,

Какъ Отче нашъ на изусть. Три дни брюху дани
Лучше не дастъ, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ.
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О когдабъ дворяне такъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужія онъ! не столькобъ ихъ крали
Дворецкой съ прикащикомъ, и жирѣебъ жили,
И должниковъ за собой толпыбъ не водили!

Здѣсь слѣдуетъ прекрасное уподобленіе вѣсповщика съ бочкою:

Когда же Меандръ новизнъ наберетъ нескудно;
Недавно то влитое ново вино въ судно,
Кипитъ, бродитъ, обручъ рветъ, доски разширяетъ
И выбивъ втулку быстро устьемъ вытекаетъ!
Встрѣтилъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Нажужжитъ, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своей онъ сообщаетъ,
Проси держать про себя. Сознавить онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ тужъ вѣдомость скажетъ одиолично,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни
Ежели прейдетъ къ нему изъ знатной передни!
Сказавъ тебѣ, какъ судья бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.

Говоруна изображаетъ онъ еще живѣйшими пого красками:

Искусенъ и безъ вѣсшей голову распучитъ;
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣшь за обѣдомъ.
Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, попомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хошь больну быть новыми зубами дочь знаешь.
Четвертой уже зубокъ въ деснахъ показался:
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую за мужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ и жены спарѣе лишь годомъ.
Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошь, и всяку особно
Истолкуетъ въ ней спашью. Сынъ меньшои недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копать началъ онъ прудъ новый,
Тому изъ кармана планъ вытаща готовый,
Тотъ же часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту спать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ сколько въ ней земли, что беретъ оброку,
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ точно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно
Изъ руки въ руку дошла къ нему съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду,
Рѣдко минуетъ ее, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый

Много онъ намъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу. Тутъ то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верьви кроишь обыкъ, безъ аршина враки,
Правды гдѣ, гдѣ крошечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то описать, что онъ въ столъ наскажетъ?
. . . . . .
. . . . . .
Весь въ пѣнѣ, въ поту, унять устъ своихъ не знаетъ,
Не смѣетъ плюнуть, сморкнуть, и тогда онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка во рту не имѣешь;
Говорить тебѣ не даетъ; хоть дастъ,-не успѣешь.

Кантемиръ подражалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Латинскимъ сатирикамъ Ювеналу и Горацію, а въ другихъ Французскому Буало; но естьлибы сіи стихотворцы жили послѣ него, то конечно въ подобныхъ сему мѣстахъ, собственно Кантемиру принадлежащихъ, не отрѣклись бы подражать ему. Здѣсь продолжаетъ онъ выводить на позорищѣ разные пороки. О лицемѣрѣ, или ханжѣ говоритъ:

Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо противно,
И вина не хочетъ пить; да то и недивно,
Дома съѣлъ ужъ каплуна, и на жиръ и сало
Бутылки Венгерскаго съ нуждой запить стало.

О самолюбивомъ, отвергающемъ всѣхъ другихъ заслуги и достоинства, пишетъ:

. . . О себѣ Гликонъ ужъ прошивно
Разсуждаетъ, всякое слово его дивно,
Всѣ поступки, образцы; что въ умъ ему вспало,
Не оспоришь во вѣки; дивится немало,
Что главноправленіе всего Государства
Царь давно не далъ ему во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, кои любви сладость знаютъ.
Собою наполненъ весь, себя лишь чтитъ смыслитъ,
По своимъ годамъ починъ щастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тварь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дивиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говоритъ; а тобы и дѣла
Не осталось тѣмъ двумъ частямъ нашего тѣла.

Гордаго описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продрашься впередъ; позади не будетъ!

По описаніи же многихъ его чванствъ, оканчиваетъ сими стихами:

Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такоеже, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была то фарфорна глина
Съ чего онъ; а съ чего мы, навозна шина!

Потомъ изображаетъ злолзычника, потомъ льстеца, потомъ недовѣрчиваго. Описавъ различныя подозрѣнія, которыми сей послѣдній ежечасно безпокоится, въ заключеніе говоритъ:

. . . . Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Ябъ на такомъ не хотѣлъ принять договорѣ
Ни самой Царской престолъ: скучилобъ мнѣ вскорѣ
И Царско тишло. Суму предпочту въ покоѣ
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума, непрестанну
Хоть бы въ богатство вели, въ славу несказанну:
Часто быть обманутымъ предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.

Потомъ изобразя мученіе завистливаго, который между прочимъ:

У бѣднаго воина, что съ двацать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.

Сатарикъ обращается къ Ѳеофану и прерывая самаго себя, говоритъ:

. . . Да не пораль, муза моя, губы
Прижавъ, кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи; мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ,
Всякому лишно долга рѣчь, уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово;
Ѳеофана чаешь ли не имѣть иново

дѣла, развѣ выспашься, до сыта покушать,
И поджавъ руки весь день стихи мои слушать?

Здѣсь приписывая многія похвалы Ѳеофану, и говоря музѣ своей, что онъ лучше ея знаетъ разнообразіе страстей человѣческихъ, оканчиваетъ сатиру свою сими стихами:

Сколько главъ, столько охотъ и мыслей различныхъ;
Моя есть стихи писать противъ неприличныхъ
Дѣяній и словъ: кто же мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

Въ четвертой Сатирѣ *къ музѣ своей*, унимаетъ онъ ее, чтобъ она перестала осмѣивать людскіе пороки. Уже и такъ многіе, говоритъ онъ, видя себя какъ въ зеркалѣ въ стихахъ моихъ, дышатъ на меня гнѣвомъ: иной обвиняетъ безбожникомъ, за чѣмъ злословлю бороду, другой Государственнымъ преступникомъ, за чѣмъ похуляя пьянство, умаляю казенный доходъ, и проговоря сіе, начинаетъ опять ее упрашивать:

Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Знаю, что правду пишу, и имень не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не къ спашп.
Кпо же отъ тебя когда хотѣлъ правду знапи?

Потомъ говоря музѣ своей: за чѣмъ плакать о томъ, что другіе хромаютъ душою? продолжаетъ:

Буде смѣешь указать ты на Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ вспала
Имъ отъ Сатиръ не бѣда, но многая слава;
Что какъ тожъ Боало причастникъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
Тожъ счастье. Позволь сказать, что умъ швой шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя жуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣспѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? безъ всякой украсы
Болтаешь, что не дѣлаютъ черпца одпѣ рясы!

Сія похвала иностраннымъ писателямъ и умаленіе предъ ними собственныхъ своихъ достоинствъ, дѣлаетъ честь скромности нашего Сатирика; но въ прочемъ онъ дарованіями своими не много имъ уступаетъ. Хотя часто говоритъ онъ языкомъ

простолюдиновъ, однако въ семъ языкѣ здравый смыслъ, простая и сильная правда гораздо лучше многихъ пѣхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ гласитъ Руская пословица, *умъ заходитъ за разумъ*. Далѣе, увѣщевая музу свою писать похвалы людямъ, говоритъ онъ:

Но вижу, муза, ворчишь, жмешся и краснѣешь
Являя, что ты хвалишь достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.

Потомъ описываетъ трудность стихотворенія; говоритъ, что въ молодости своей писалъ онъ многія любовныя пѣсни, о которыхъ теперь раскаевается. Шутитъ надъ плѣнниками любви, и какъ бы удаленный уже отъ мірскихъ суетъ погружается въ важныя размышленія и говоритъ:

Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредитъ время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что напало
Изъ руки Вышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ егоже волю;
Честна жизнь непрепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу вѣдая, что внидетъ
Тѣми двѣрьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.

Напослѣдокъ согласясь съ музою, что никакой другой родъ писанія ему не нра-

вился, оканчиваетъ бесѣду свою съ ней слѣдующими стихами:

Однимъ словомъ, Сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же несходно
Мнимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно,
И правда, ужъ отъ того и унятся трудно,
Когда тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы
Хвастаетъ наукою, и оскаливъ зубы
Смѣется, и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говоритъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ кичится;
Раздушой ужъ мастери подьячіи стыдится,
И боляръ однихъ въ родню принять ему нравно;
Когда мѣльникъ, кой съ волосъ спрясъ муку недавно,
Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.

Вотъ какъ умѣлъ Кантемиръ изображать чванство разбогатѣвшихъ, или сдѣлавшихся знатными людей! Что можетъ быть забавнѣе, какъ представить себѣ мѣльника, который прежде съ утра до вечера, весь въ мукѣ, слушалъ безпрестанное стучаніе колесъ, и котораго теперь шумомъ своимъ безпокоятъ мухи? Онъ жмурится отъ поднимаемой ими пыли! Какая замысловатая и шутливая кисть для опи-

санія людскихъ нравовъ! Въ заключеніе Сапиры своей говоритъ онъ, что подобнымъ сему людямъ сочиненія его не могутъ нравиться; но что онъ подъ сильною защитою матери отечества ни чьего гнѣва не опасается, и что стихи его довольно принесутъ пользы и славы, когда исправляя пороки, будутъ благоразумнымъ читателямъ пріятны. Щастливы нами стихотворство и науки, гдѣ истинна всѣми уважается, и гдѣ брани и клеветы раздражаемыхъ ею невѣждъ всѣми презираются.

Пятая Сатира его всѣхъ прочихъ длиннѣе. Она состоитъ изъ разговора между Сапиромъ и Періергомъ, то есть любопытнымъ. Стихотворецъ сдѣлалъ вымыслъ, что будто Панъ, веселый богъ лѣсовъ, посылаетъ чрезъ всякіе три года по нѣсколько подвластныхъ ему Сапировъ, дабы они, нарядясь въ людское платье, жили въ разныхъ городахъ, примѣчая обряды, дѣйствія и нравы людей, и что будто сіи посланные по возвращеніи своемъ разсказываютъ ему все видѣнное ими, а онъ слушаетъ ихъ съ смѣху надсажаясь. Сапиръ, которому досталось жить въ странѣ стихотворца,

наскуча своею должностью, скидаетъ съ себя свои наряды и говоритъ:

Сильна Пана воля будь, хоть мнѣ смерть случится-
ся,
Не возможно ужъ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межъ собой чрезъ мѣру различны,
К ь тому жъ уборы ихъ мнѣ совсѣмъ неприличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла злапомъ себя тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя,
Провалитесь отъ меня тягостни златые
Глупцамъ чтимые, и вы кудри накладные;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

Периергъ, увидя раздѣвающагося Сатира, удивляется и распрашиваетъ его, кто онъ и откуду? Сатиръ, увѣдомивъ его о посольствѣ своемъ, разсказываетъ потомъ, какъ и гдѣ онъ жилъ, и что видѣлъ. Такимъ образомъ стихотворецъ открываетъ уму своему широкое поле прогуливаться и замѣчать людскія слабости и пороки. Мы представимъ здѣсь нѣкоторыя покмо мѣста. Сатиръ, по вступленіи въ городъ, увидѣлъ много пьяныхъ, и удивляясь сей человѣческой страсти добровольно дѣлаться безобразнымъ и лишать себя здравія и разсудка, говоритъ:

Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неистовству такому не зная
Сыскать; приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый
Сѣдою красенъ бородой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло,
Чуть видны подо лбомъ глаза, и голосъ унылой.
Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?
Сказалъ мнѣ; по платью зрю и по строю тѣла,
Что ты къ работѣ угожъ; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, и я доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ, будь лишь чистъ душою.

Сатиръ принялъ его предложеніе, пошелъ съ нимъ, чтобъ ему служить, и дорогою осмѣлился спросить у него о причинѣ такого въ городѣ пьянства:

. . . . Старикъ со слезами
Вздохнувъ отвѣчалъ: дитя! не дивись межъ нами
Безпорядку такому; свѣтъ уже сѣдъ, знаешь,
Къ концу приближался; злой нравъ испребляетъ
Добрую склонность людей, кои сладку чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хотя въ ней ядъ глотаютъ.

Здѣсь старикъ съ великимъ умиленіемъ разсказываетъ ему, какъ предки наши, провождая жизнь безпорочную, и желая другихъ тому же научить, между прочими постановленіями учредили нѣсколько дней въ году, называемыхъ праздниками съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ люди, оставляя въ оные обыкновенныя работы свои, упражнялись въ благочестивыхъ дѣлахъ и молитвахъ; но (продолжаетъ) людскіе пороки преобратили то во зло, такъ что исполняется одна только часть сего установа, то есть, праздность, а другая вмѣсто благочестія и молитвъ посвящается злочинію и сумасбродству. Послѣ сего ихъ разговора Сапиръ приходитъ за господиномъ своимъ въ домъ его и узнаетъ, что онъ цѣловальникъ, сынъ поршнова, и выросъ въ домѣ у спрячнаго. Вскорѣ поручаетъ онъ ему должность носить воду изъ рѣки и лить въ вино. Впрочемъ (говоритъ о немъ Сапиръ):

Утрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; но слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я ему должность исправляя,
Гнулъ спину и руки шеръ; хотѣлъ знать какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
Куды ты глупъ! онъ сказалъ, вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ,
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ;
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, иначъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.

Услышавъ то хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
Чему смѣешся? спросилъ, на что отвѣчаю:
Не задолго прежъ сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы
Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изъискилъ слѣдства того вредныя Гражданству.
А нынѣ причину зла множишь самъ безстудно!
Дрова мешая въ огонь пожаръ гасить трудно!

. . . . . .

. . . . . .

Видно, отвѣчалъ старикъ, что умъ твой по шѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ, какъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколькожъ даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Не ужъ то мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?
Вымолвивъ, тотчасъ меня сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.

По изгнаніи отъ сего цѣловальника Сапиръ переходилъ изъ дома въ домъ, служа разнымъ господамъ, простымъ и знатнымъ

и находя вездѣ много такихъ расказовъ, которымъ Панъ будетъ смѣяться. Напослѣдокъ (продолжаетъ онъ) вступилъ я въ службу къ Милону, который былъ неубогой гражданинъ, и къ которому нѣмъ охотнѣе я шелъ:

. . . . Что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и свять; да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всемъ домѣ
Слуга худо кормленный и спя на соломѣ,
Дѣвка въ поварнѣ одна, я съ утра до ночи
Пятерымъ хозяевамъ служа, со всей мочи
Надсажался, и снесъ бы прудъ, естьлибъ стерпѣли
Могъ спропонной семьи нравъ, но жена и дѣти
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму несильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словце имъ причина ссоры
И крикъ межъ собой несутъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добро, естьлибъ межъ собою
Ссорясь въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались,
Какъ бы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Одинъ, и вины ихъ казнь претерпѣвати.
Однажды въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ,
Сказалъ въ себѣ: господа собрались молиться
Посмотрю страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться;
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,

За чѣмъ пошедъ матерней, платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала,
Отецъ сперва, потомъ мать вольноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны;
Различно сына ругать не даютъ препоны,
Виновный извиняется, братья заступаютъ
Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ; ужъ не слыхать ни чтенья ни пѣву.
Попъ видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ уполять огонь. Ему подражая
И я прошу перестать, вину представляя
Распрю маловажну быть, и что тутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ брани и битвѣ:
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ:
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ,
И туша кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мой совѣтъ, мнѣ вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрельнулъ; я съ лѣстницъ скатился,
Не знаю, какъ столько цѣлъ, въ низу очутился.
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и ударился безъ оглядки въ ноги.

Сколько стихотворецъ нашъ игривъ и забавенъ въ описаніи подобныхъ сему смѣшныхъ явленій, столько же искусенъ въ подражаніи чужестраннымъ писателямъ и важенъ въ нравоучительныхъ разсужденіяхъ. О непостоянствѣ и легкомысліи человѣческомъ устами Сатира говоритъ онъ людямъ:

Несчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба.
. . . . . .
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя, —
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ!
То богатства ищете, то деньги мѣняютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно!

Здѣсь описывал, что люди часто недовольны бываютъ состояніемъ своимъ и всегда завидуютъ другому, подражаетъ онъ Горацію, но сохраняя всѣ его мысли, такъ хорошо умѣлъ вложить жалобы въ уста судьи, купца, пахаря, воина, что всѣ они по образу рѣчей своихъ, кажутся быть Русскими; на примѣръ: солдатъ жалуясь на состояніе свое говоритъ:

. . . . Чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымышь чѣмъ нѣту!

Въ шестой Сатирѣ своей выхваляетъ онъ жизнь умѣренную и добродѣтельную, утверждая, что алчное исканіе богатствъ и почестей часто принуждаетъ насъ при-

бѣгать къ способамъ предосудительнымъ и низкимъ. Часто говоритъ:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно поспѣшить
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передних томиться,
Полдни торчать на ногахъ, съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Таже жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, кому попру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подзорокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить;
Господскую спѣсь сносить, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хотя ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрый,—
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну!
Нужно благодѣтелемъ звать того, другаго,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакаго.
Или долженъ ты (продолжаетъ Сатирикъ:)
. . . торчать при дворѣ съ утра до полночи
Съ опвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,
Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,
На прежней степени, тотъ остаться стыдится,
И такъ повторяя трудъ лѣтъ съ придцать нуришся,
Лѣтъ съ придцать бѣдную жизнь спашешь продолжаешь,

Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.

Что пользы (говоритъ онъ), что ты разными происками, неправдами и криводушными дѣлами достигнешь напослѣдокъ до того, что:

Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить ищатся,
Всѣ больше, нежъ чучела, вороны боятся?
Искуство само твой домъ создало проспранный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и спранный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ что лучей отъ тебя глаза снесть несильны.

Будешь ли ты (вопрошаетъ онъ) чрезъ то покоенъ, и долго ли сокровищами своими наслаждаться станешь? Пусть еще, когда бы ты могъ прожить два или три вѣка;

Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ на силу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляютъ
Младенчество, старость, болѣзнь, а дни такъ летаютъ
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Чтожъ столь тяжкой сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Оставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя

Изъ сердца изкоренять? Пропадутъ степени
Пышны, и сокровища, какъ за пусты тѣни,
Васенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе.

Напослѣдокъ заключаетъ:

Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать непрудно доходъ невеликъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ имень не дивися,
И богатствъ большихъ, живи тихъ, ища, что честно
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію, слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ, силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти; ни трудовъ твоихъ мзда пропала.
Добрымъ быть, собою мзда есть уже немала!

Въ седьмой сатирѣ своей къ Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому стихотворецъ говоритъ, что часто люди спараются пороки свои извинять слабостію природы человѣческой; но что такое мнѣніе не можетъ ихъ оправдывать; ибо всякая и добрая земля, когда станешь лѣниться воздѣлывать ее,

обростетъ худою травою. Здѣсь коснувшись воспитанія, которое всего болѣе способствуетъ къ посѣянію въ насъ худыхъ или хорошихъ склонностей, продолжаетъ онъ:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу, и искусства всѣ должны подать руки.

Когда (говоритъ) съ малыхъ лѣтъ, украся умъ свой знаніями и сердце добродѣтелями, сдѣлаешся ты извѣстенъ и отличенъ, тогда всѣ будутъ тебя искренно почитать; но если ты сихъ достоинствъ не будешь въ себѣ имѣть, то на какой бы ты ни былъ степени, народъ

Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ
Хвалы твои изъ его устъ нужда попятнетъ
. . . . . .
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покоину совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.

Далѣе продолжаетъ онъ о воспитаніи дѣтей:

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Еспьли часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишне спѣша дѣло,
На единѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлой годъ, кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ заглади тъ

Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудитъ знаетъ
Младенца, много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.
Примѣръ наставленія всякаго сильняе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орліи птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ.

. . . . . .

Хлибъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнашій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучитъ себя: мнишь ли ты щастливу

Жизнь въ обильствѣ такову? Естьлибъ чрезъ чуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ,— пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю расказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезъ мѣру прохладну.

Примѣры (продолжаетъ онъ) сильно дѣйствуютъ надъ нами:

. . . . . Часто дѣти были бы честнѣе,
Естьлибы мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свои въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ щастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался,
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы
Будетъ важной, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицомъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно;
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?

Если молодаго мать рака обличаетъ
Кривой ходъ: „прямо сама поди, отвѣчаетъ,
„Я за тобой пошлыву, и подражать стану.„

Старайся, говоритъ стихотворецъ отцу и матери, старайся самъ:

. . . . Всякаго убѣгать порока;
Естьли не львя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подмѣтаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а тыже не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть свою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Въ осмой и послѣдней сатирѣ своей стихотворецъ между прочимъ говоритъ о себѣ, что хотя любилъ онъ осмѣивать злонравіе и пороки, однакожъ всегда опасался ясныхъ примѣтъ личности.

Когда я, говоритъ онъ, пишу стихи, то какъ осторожный рудометъ, боюсь, чтобъ излишнимъ впущеніемъ оспрея не

дать больному глубокой раны. Для того (продолжаетъ):

Кончавъ дѣло, на долго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу пемзой, и хотя испрачу
Большу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Со всѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.
Стыдливымъ, боязливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть, по мнѣ природы рукою
Вписано, иль отческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.

Всегда, продолжаетъ онъ, вѣрилъ я:

. . . . . Что лице, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспоры
Внутренней доброты.

Сіи похвальныя свойства стихотворца нашего показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ тѣхъ Сатириковъ, которые не пропитавъ невѣжества и пороковъ вооружаются, но пропитавъ человѣка, осуждающаго тѣ недостатки и страсти, которымъ они чувствуютъ себя подверженными. Сверхъ Сатиръ находимъ мы въ Кантемировыхъ сочиненіяхъ: четыре краткія пѣсни, письмо къ Трубецкому, нѣсколько басенъ и эпиграммъ. Мы предложимъ здѣсь только пер-

вую пѣснь, для показанія лирическаго стихотворства его.

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы Богоборцы! Обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истинны направьте;
Теченье ваше досель блудно было.

Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими созданну руками.
Той простеръ небо, да въ немъ намъ сіяетъ,
Далъ Солнце, свѣта источникъ, съ звѣздами.

Той луну, солнца лучи преломляти
Научивъ, темный шаръ свѣтить заставилъ,
Имъ зрятся чудны сіи претекати
Тѣлеса воздухъ, и въ нихъ той уставилъ

Теченій мѣру, порядокъ и время,
Итакъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишна легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга держатъ, и не могутъ пасти.

Егоже словомъ въ воздушномъ пространствѣ
Какъ мячикъ легкой, такъ земля кашится;
Въ травъ же зеленомъ и дубравъ убранствѣ
Тутъ гора, тамъ долина гордится.

Той изъ источникъ извелъ быстры рѣки
И пескомъ слабымъ велѣлъ сохранятн
Морямъ свирѣпымъ свои предѣлъ во вѣки,
И вѣтрамъ легкимъ далъ съ шумомъ дышати.

Разны животныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ шѣла бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль ходитъ грубѣйшее племя.

Съ малой частицы мы блата сплетенны
Тогожъ въ плоть нашу всесильными персты,
И успѣнъ духомъ его оживленны;
Онъ намъ къ понятью далъ разумъ отверстый.

Той черный облакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, громко гремя устрашаетъ
Землю и воды и дальнѣйша края
Темнаго царства быстръ звукъ достизаетъ.

Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тутъ даетъ, что тамъ восхотѣлъ отъяти.
Горамъ коснувся дымѣть понуждаетъ:
Маніемъ міръ весь силенъ потрясати.

Эпиграммы его имѣютъ также много соли и остроты. На примѣръ слѣдующая *на гордаго новаго дворянина*:

Въ великомъ числѣ вельможъ Силванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣй, не старѣй, дѣломъ не славнѣе;
Для чегоже, когда имъ кланяются люди,
Кланяются и они; Силванъ одинъ груди
Напяливъ, даже кивнуть головой лѣнится.
Кувшинъ съ молокомъ сронишь еще онъ боится.

Заключимъ изъ сего чтенія Кантемировыхъ сочиненій, что тѣ несправедливо разсуждаютъ о семъ знаменитомъ стихотворцѣ, которые думаютъ, будто слогъ его устарѣлъ и не можетъ болѣе приносить удовольствія читателямъ. Хотя слухъ нашъ (можно сказать по нещастію) пріученъ къ нѣкоторой съ лишкомъ единообразной въ стихахъ мѣрности, къ нѣкоторымъ не только новымъ оборотамъ и выраженіямъ, но даже мыслямъ изнѣженнымъ и весьма удаленнымъ отъ силы и простоты древнихъ писателей; однакоже умъ нашъ не долженъ походить на глаза наши, которыми по большой части управляетъ привычка, и которые сего дня лю-

бятъ красные, а завтра голубые цвѣты. Въ наукахъ и словесности знаніе долженствуетъ быть гораздо постояннѣе, иначе оно не будетъ *знаніе*. Кантемиръ останется навсегда такимъ стихотворцемъ, которымъ Россійская словесность по справедливости хвалиться можетъ.

А. Шишковъ.

ВЕСНА

1812 ГОДА.

Снѣга пушисты изчезаютъ,
Зефиромъ нѣжится земля,
Пернаты слухъ нашъ услаждаютъ;
Одѣлись зеленью поля.
Кичась гранитными брегами,
Нева сребро свое грядами
Въ дань Бельту мощному катитъ:
Опять водъ ея Орелъ двуглавый,
Отечеству для новой славы
Съ перунами въ когтяхъ паритъ.

Всѣ грозные сыны полночи
Уже въ доспѣхахъ и бронѣ;
Подъята длань, сіяютъ очи
Неустрашимостію въ огнѣ.
Готово копіе и стрѣлы,
Уже на шлемахъ перья бѣлы
При дальнихъ вѣютъ берегахъ.
ЕКАТЕРИНОЙ усмиренна
Вновь Висла, Россомъ окруженна,
На присныхъ ей вливаетъ страхъ.

Подастъ усердіе согрѣто
Дыханьемъ сладостнымъ весны,
Благопріятно Россамъ лѣто,
Въ которомъ вѣрные сыны,
Среди трудовъ непредусмотренны,
Плоды получатъ вожделѣнны,
И напитаютъ ими свѣтъ;
А Росса Царь на колесницѣ,
Со вѣтвью масличной въ десницѣ,
Въ Петрополь счастье принесетъ.

Сколь тягостно разлуки время,
Столь радостенъ свиданья часъ;
Спадетъ печали нашей бремя,
Одушевитъ веселье насъ:
Мольбы, обѣты совершатся,
Герои наши возвратятся
Къ супругамъ нѣжнымъ и сестрамъ;
Для торжества самъ Норд суровый,
И мирты и вѣнцы лавровы
Розсыплетъ щедро по стезямъ.

Графъ Хвостовъ.

ГИМНЪ

БОГУ.

О ты, всесущій духъ природы,
Кѣмъ движется міровъ горящихъ въ небѣ сонмъ,
Кого блажатъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ народы,
Чьимъ мановеніемъ гремитъ небесный громъ,
И носятся сѣды туманы
И сѣры облака перунами раздранны
Какъ шучныя спада овновъ,
Богъ благости, любви, начало всѣхъ міровъ!
Къ тебѣ паритъ мой умъ ничтожный,
Къ тебѣ, которому весь шаръ земли огромный,
И огнь горящихъ сферъ, и шумъ кипящихъ волнъ
Въ гармонію слѣлсь гимнъ славы составляютъ,
Кто въ солнцѣ основалъ свой пламенный престолъ,
Кого сонмъ Ангеловъ согласно величаетъ
Хвалою горныхъ струнъ.
Творецъ! тьмы темъ міровъ, Тобою сотворенныхъ,
И солнцевъ тысящи, и милліоны лунъ,
И все пространство безпредѣльно,
Мирьядами свѣтилъ небесныхъ озарено
И свѣта вѣчнаго зарей,
Ничто предъ славою Твоей.

* * *

Тебя, Благій Отецъ! намъ все изображаетъ,
Все смертнымъ говоритъ, что существуешь Ты:
И тѣнь древесная, гдѣ сладко воспѣваетъ
Любимецъ нѣжныя весны,
И пламенна заря, и солнце восходяще,
И утро ясное, и воздухъ аромапъ
И хладная роса зеленый лугъ кропяща,
И волны сыплющій въ граниты водопадъ,
И небо чистое, и звѣздъ горящихъ сонмы,
И молньи яркой лучъ парящій надъ землей,
И въ небѣ среди тучъ катающися гром ъ,
Все сердцу говоритъ: живъ, живъ Создатель твой!

* * *

Такъ! живъ мой Богъ,— и духъ мой живъ!
Пускай громада сферъ въ дно ада погрузится,
Пусть время нощію небытія затмится,
Свой скипетръ желѣзный преломивъ,
Пусть сѣдовласый верьхъ Кавказа вознесенна
Отъ тучъ въ дно пропастей надетъ,
И Океянъ сѣдый десницей разъяренной
О сферы пламенны волной своей плеснетъ,
Пускай окрестъ меня бунтуетъ вся природа,
Пусть весь изчезнетъ міръ: но духомъ я парю.
Се утренней зари вдали разсвѣтъ я зрю,
И солнца новаго надѣюся восхода!
Приди желанное свѣтило вѣчна дня,
И въ гробѣ пробуди улыбкою меня!—
О утра сладкій часъ, чѣмъ духъ мой веселится!
Когда твой свѣтлый лучъ очамъ моимъ явится?
Чего страшиться мнѣ врагъ смерти преступить?
Благословенъ мой Богъ! я вѣчно буду жить!

* * *

Когда же радостный сей день мнѣ возсіетъ?
Когда я воззовусь небесною трубой
Предстать передъ Тебя?— Вопще мой умъ блуждаетъ,
И я безмолвенъ предъ Тобой.
Возможетъ ли постичь виновника творенье,
Возможно ли прозрѣть въ святилище Творца?
Ахъ! духъ нашъ посвятимъ безсмертнаго къ служенью;
Се фиміямъ ему— незлобивы сердца.

* * *

Когда сонъ смерти вожделѣнной
Явится предъ меня,— и Ангелъ низпаритъ
Съ свѣщею вѣчности возженной;
Какъ темный кипарисъ гробъ сирый осѣнитъ,
И сладкой соловей надъ хладною могилой
Поздравитъ утренню природу пѣснью милой:
Тогда познаю я тебя, Создатель мой!
А нынѣ пѣснь моя лишь только звукъ пустой!

Яковъ Бередниковъ.

КЪ ПОЕЗІИ.

Безсмертный даръ, глаголъ вѣковъ,
Гремящій въ слухъ вселенной,
Органъ небесъ священной,
Поезія, языкъ боговъ!
Тебѣ звучащую я арфу посвящаю.
Да сердца моего хвалебная мольба
Безсмертная! предстанетъ предъ тебя!
Вонми брацанью струнъ,— огнемъ твоимъ пылаю.

* * *

Приникни съ высоты Олимпа вознесенна,
Снесися въ образѣ весны,
Зефира въ вѣяньи, въ сіяніи луны,
И духъ мой оживи Поезія священна!
По доламъ стелется туманъ; не видно стадъ,
И западны поля зарницею горятъ,
Чуть сыплетъ волны водопадъ,
Въ зеленой чащѣ древъ хоръ птичекъ замолкаетъ,
И шепчетъ съ тишиной сверкающій ручей,
Тамъ сквозь кустарники чуть, чуть мелькаетъ
Блескъ погасающихъ на западѣ лучей,
И мракъ надъ рощей темной

Сливается вдали съ сіяньемъ багреца.
Что благосклоннѣе мечтаніямъ пѣвца?
Привѣтствую тебя! — Приди въ чертахъ любезной
Съ улыбкой милою Лауриной красы;
Разсыпавши вокругъ лилейныхъ плечъ власы,
Въ часы вечернія прохлады,
Съ зефирной легкостію Лады,
Какъ вихорь прилетѣвъ,
Ты въ темной рощѣ древъ
Явись моимъ очамъ! — Тобою восхищенный
На лирѣ восною Природу вдохновенный,
И эхо пѣснь мою по рощамъ разнесетъ.
Тогда, богиня! — Я Поетъ!

* * *

Тобой Поезія! мой духъ образовался,
Мнѣ чувствовать дано лишь прелести твои,
Тобой подъ мракомъ тучъ единой утѣшался,
Съ тобою раздѣлялъ и радости мои.—
Когда родимыя дубравы въ отдаленьѣ
При утренней зарѣ, при возрожденьѣ дня,
Бродилъ я иногда при мѣсячномъ сіяньѣ
Ты занимала лишь меня!
Когда блистающу вечернюю зарницу
Я зрѣлъ на западѣ;— и въ тишинѣ ночной
Унизанну небесъ звѣздами багряницу,
Когда духъ пылкой мой
Дремотой сладостной въ забвеніе склонялся;
Въ мечтаніи святомъ
Твоею прелестью я юный восхищался,
Моимъ была ты божествомъ!

* * *

Съ тобою въ мрачныя я пропасти спускался,
Гдѣ сонъ сливается, молчанье тишины
Со клокотомъ глухимъ Коцитовой волны,
Тобою шаршаръ мнѣ ужасный представлялся.
Съ тобою на крилахъ подъ небомъ я леталъ,
Носился за предѣлъ вселенной,
И вѣчности чертогъ священной
Рѣзецъ, Поезія! мнѣ твой живописалъ,
Съ тобою на Кавказъ угрюмой я взбирался,
И облачны поля и долу бездны зрѣлъ,
Орловъ подъ небеса паренью удивлялся,
Предъ взоромъ снѣжный верьхъ Рифейскихъ горъ синѣлъ,
И лѣта пышный пиръ подъ мразомъ видѣлъ зимнимъ,
И громъ кипящихся съ высотъ неизмѣримыхъ
Снѣговъ надъ мной шумѣлъ.
Поезія! тобой водимый
Съ станицею парилъ полунощныхъ орловъ
Въ огнѣ, въ дыму; во мглѣ, едва во мрачномъ зримыхъ
Туманѣ облаковъ,
Повсюду адскою крамолой обложенныхъ,
При громѣ по горамъ гремящемъ цѣпенѣлъ,
Когда средь молній Альпъ стеналъ изнеможенный,
Когда изчезнулъ Россъ,— и всталъ непобѣжденный.
Державинъ! я тобой сію картину зрѣлъ.

* * *

Поезья, другъ души! тобою преносился
Я очарованный въ Армидины сады.
Богатствомъ, роскошью лишь тамо я плѣнился:
Зрѣлъ тяжестью со древъ висящіе плоды,

Зрѣлъ зеркало прудовъ луною озаренно,
Шумѣлъ за мною въ отдаленьѣ
Ревущій водопада громъ,
Тамъ тополей подъ осѣненьемъ
Зрѣлъ водометовъ брызгъ, шумъ падающихъ волнъ
Внималъ въ очарованьѣ,
Въ тѣни прохладныхъ рощъ, при мѣсячномъ сіяньѣ
Зрѣлъ пляски спрасшныхъ Нимфъ вечернею порой,
Какъ съ распущенными лилейными власами
Онѣ невинными играми
Питали радостью, воспоргами духъ мой,
А шамъ подъ сводами пещеры отдаленной,
Присутствіемъ Армиды озаренной,
Бряцанію златой цѣвницы я внималъ,
Изъ коей нѣжная гармонья изливалась;
То съ нею въ облакахъ я мыслями леталъ
То дни печальные душа воспоминала,
Какъ льстившая меня надежда изчезала,
Какъ сей замолкшій вдругъ органъ,
Чей стонъ еще въ дали пустыня повторяетъ.
Въ очарованіи святомъ, въ тиши ночной
Тогда въ забвеніи мечталъ духъ пылкой мой:
Не горнялъ меня Гармонія плѣняетъ?

* * *

Твоимъ присутствомъ озаренный,
Поезія, живой творенія органъ!
Зарею утра пробужденный
На холмѣ красное свѣтило дня встрѣчалъ.
Окрестъ туманы упадали,
И открывалися творенія красы.
Брильянты утренней росы

На бархатномъ лугу разсыпаны блистали;
Сверкалъ подъ чащей древъ игривѣе потокъ,
Сняла ночь мрачная хитонъ съ чела природы
И загорѣлся вдругъ пылающій востокъ,
Лучами озарились воды,
Подъ тѣнью засвисталъ весенній соловей,
И тихой трелію по рощѣ разсыпался,
Востокъ милліонами лучей,
Отъ часу пламенѣй казался,
Послышался вдали пастушій звонкой рогъ,
Который вторяся въ пустынномъ отдаленьѣ,
По горнымъ челамъ вознесеннымъ
Гремѣлъ, звучалъ, шумѣлъ,—замолкъ.—
Окрестъ молчаніе природы!
Безмолствуя приникнула вся тварь;—
И солнца огненный, огромный шаръ
Катится сонныя оставя воды;
Какъ круглый Оссіяновъ щитъ . . . .
Воззрѣлъ,—и волны загорѣлись,
И пламемъ облака пылающимъ одѣлись,
Ночныхъ погасъ огонь лампадъ,
И тучи пламенемъ зажглися,
Туманы въ бездны улеглися,
И златомъ засверкалъ шумящій водопадъ,
Природа стройный гимнъ Создателю воспѣла,
Пастушьи раздались рога,
И огласились волнъ журчаніемъ брега,
И эхами вокругъ пустыня загремѣла.

* * *

Могу ли трепетной рукой
Поэзія, души моей Царица!
Касаясь струнъ моихъ даръ возвеличить твой?
Безсмертная твоя десница
Цвѣты разсыпала сей жизни на пути,
Ахъ! долго дни моихъ свѣтило мракомъ крылось:
Но щастіе съ тобой очамъ моимъ явилось,
Когда восторгъ я пилъ Лауры на груди!

* * *

О Барды славные, краса полей родимыхъ,
Волшебной чей рѣзецъ искусною рукой
Природы начерталъ безсмертныя картины!
Благословенны будьте мной!
Отъ юности моей избранною стезею
За вами пылкая стремилась мысль моя:
И въ вечеръ сумрачный, и съ утренней зарею
Безсмертну пѣнію внималъ Поэта я,
Гремѣвшаго Творца на лирѣ златострунной,
Съ другимъ Шамановъ двухъ при свѣтѣ ночи лунной
На брегѣ Иртыша бесѣдовавшихъ зрѣлъ,—
И—тщетно въ слѣдъ парить за славными хотѣлъ.

* * *

Поэзія! услышь, услышь мое моленье,—
И въ тишинѣ нощной, или при свѣтѣ дня,
Въ сіяньѣ солнечномъ, или въ подобьи тѣни
Предстань передъ меня!
Правь лиры моея плѣнительной игрою,
И вѣчно славная! не разлучись со мною!
Пускай мои будетъ прахъ въ глухой степи зарытъ,

Пусть хладный воетъ вѣтръ вкругъ гроба отдаленна,
Съ тобой, Поезія священна!
Въ безвѣстіи пустынь не буду я забытъ.
Прахъ Креза златомъ обложенный
Подъ пышнымъ мраморомъ сгніетъ отъ всѣхъ забвенный.
Проропщетъ глухо лишь надъ нимъ проклятій гулъ.
Что жъ въ златѣ суетномъ? — Оно презрѣнно мною.
Мой не забудутъ гробъ, Поезія, тобою! —
Шепнешь лишь: здѣсь мой другъ спокойнымъ сномъ заснулъ—
И хладный прахъ пѣвца въ тиши лѣсовъ унылыхъ
Встревожитъ странника усталаго нога,
И на пустынный дернъ безмолвныя могилы
Лауры скатится слеза!

Яковъ Бередниковъ.

ЧУВСТВО

ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ.

Какъ бурнымъ вихремъ прахъ смятенный
Крутясь въ воздухѣ летитъ,
Какъ въ пыль блестящу раздробленный
Источникъ съ горъ, свой бѣгъ стремитъ,
Подобно такъ несется время
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ,
Влачитъ печалей нашихъ бремя
И мчитъ минуты дней драгихъ,—
Въ своемъ стремленьѣ увлекаетъ
Успѣхи, горесть, суеты
И вмѣстѣ съ жизнью разрушаетъ
Блестящи разума мечты.
И такъ всегдаль нашъ духъ спрадаетъ?
Нѣтъ— горю такъже есть конецъ!
Цвѣтокъ блаженства разцвѣтаетъ
И для нещастливыхъ сердецъ,
Все въ мірѣ можетъ премѣнится
Все въ немъ идетъ своей чредой:
Не рѣдко щастье въ томъ таится,
Что кажется для насъ бѣдой.
Не вѣчно осень докучаетъ
Угрюмостію намъ своей,
И снѣгъ на время лишь скрываетъ
Пріятный видъ луговъ, полей;

Прошли зимы часы суровы,
Грядетъ къ намъ кроткая весна,
Несетъ съ собой успѣхи новы,
И сладость въ чувства льетъ она.
На легкомъ облакѣ спускаясь
При яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Въ виссонъ эфирный облекаясь
Блистаетъ въ Сѣверныхъ странахъ.
Подъ мирною ея стопою
Земли живится полукругъ;
Ея спасительной рукою
Все, мнится, воскресаетъ вдругъ.
Волшебнымъ скипетромъ махнула
Разсѣлись горы хладныхъ льдовъ,
Отъ сна природа воспрянула,
Изчезъ угрюмый видъ снѣговъ;
Богиня красныхъ дней явилась,
Умолкли стоны мрачныхъ бурь,
И оку смертнаго открылась
Небесъ прелестная лазурь.
Благотворящее свѣтило
Лучей своихъ къ намъ злато льетъ.
Веселье тварямъ возвратило
Все новой жизни токи пьетъ,
Весенне кроткое дыханье
Разторгло узы рѣкъ, ручьевъ.
Ихъ струй веселое журчанье
И пѣснь гремящи соловьевъ,

ЧУВСТВО

ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ.

Какъ бурнымъ вихремъ прахъ смятенный
Крутяся въ воздухѣ летитъ,
Какъ въ пыль блестящу раздробленный
Источникъ съ горъ, свой бѣгъ стремитъ,
Подобно такъ несется время
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ,
Влачитъ печалей нашихъ бремя
И мчитъ минуты дней драгихъ,—
Въ своемъ стремленьѣ увлекаетъ
Утѣхи, горесть, суеты
И вмѣстѣ съ жизнью разрушаетъ
Блестящи разума мечты.
И такъ всегдаль нашъ духъ спрадаетъ?
Нѣтъ— горю такъже есть конецъ!
Цвѣтокъ блаженства разцвѣтаетъ
И для нещастливыхъ сердецъ,
Все въ мірѣ можетъ премѣниться
Все въ немъ идетъ своей чредой:
Не рѣдко щастье въ томъ таится,
Что кажется для насъ бѣдой.
Не вѣчно осень докучаетъ
Угрюмостію намъ своей,
И снѣгъ на время лишь скрываетъ
Пріятный видъ луговъ, полей;

Прошли зимы часы суровы,
Грядетъ къ намъ кроткая весна,
Несетъ съ собой успѣхи новы,
И сладость въ чувства льетъ она.
На легкомъ облакѣ спускаясь
При яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Въ виссонъ эфирный облекаясь
Блистаетъ въ Сѣверныхъ странахъ.
Подъ мирною ея стопою
Земли живится полукругъ;
Ея спасительной рукою
Все, мнится, воскресаетъ вдругъ.
Волшебнымъ скипетромъ махнула
Разсѣялись горы хладныхъ льдовъ,
Отъ сна природа воспрянула,
Изчезъ угрюмый видъ снѣговъ;
Богиня красныхъ дней явилась,
Умолкли стоны мрачныхъ бурь,
И оку смертнаго открылась
Небесъ прелестная лазурь.
Благотворящее свѣтило
Лучей своихъ къ намъ злато льетъ.
Веселье тварямъ возвратило
Все новой жизни токи пьетъ,
Весенне кроткое дыханье
Разторгло узы рѣкъ, ручьевъ.
Ихъ струй веселое журчанье
И пѣснь гремящи соловьевъ,

Весны владычество вѣщаетъ;
Гласитъ природы торжество.
Повсюду взоръ нашъ обольщаетъ
Въ прелестномъ видѣ естество.
Порхаютъ птички голосисты
И радостно поютъ въ кустахъ,
Гордятся зеленью вѣтвисты
Деревья въ рощахъ и садахъ;
Земною влагой насыщаясь
И жизненный вкушая сокъ,
Рукою Флоры украшаясь
Развертывается цвѣтокъ.
Стада, зимою заключенны,
Лишенны воздуха въ спѣнахъ,
Гуляютъ солнцемъ освѣщенны
На зеленѣющихъ лугахъ.
Вой бурныхъ вѣтровъ замѣняетъ
Тамъ звукъ пастушьяго рожка;
Тамъ нѣжна горлица лобзаетъ
Сердечко милаго дружка.
За пестрой бабочкой гоняясь
Играютъ дѣти средь полей;
Тутъ жаворонокъ вверьхъ взиваясь
Поетъ красу вёсенних дней.
Пчела свой улей оставляя
Съ цвѣтка садится на цвѣтокъ,
И трудъ полезный начиная
Сосетъ изъ розы сладкой сокъ.

Зефиры рѣзвятся съ листками,
Играютъ Нимфы межъ собой;
Тамъ пѣсни съ звучными рожками
Вечерней слышатся порой.
Луна сквозь облако млечное
Сребря спокойспівія часы,
На время, тихое нощное
Лiешъ въ безмолвiи красы.
Мелькаютъ ручейки прозрачны
Сквозь вѣтьви гибкія древесъ,
Лижутъ горы, долы злачны
Пестрѣетъ лугъ, пушится лѣсъ.
Болѣзнью, бѣдствомъ изнуренный,
Чья жизнь по горестямъ печетъ,
Красой природы восхищенный
Весною сердцемъ разцвѣтетъ;
День Майскій свѣтлый, благодатный,
Унылы чувства оживитъ,
А воздухъ тихой, ароматный
И духъ и тѣло обновитъ.
Но можноль въ городѣ весною
Намъ зрѣть природы торжество?
Здѣсь смертныхъ хитрою рукою
Красотъ лишилось естество.
Гдѣ съ горъ катились водопады,
Цвѣты пестрѣли по полямъ,
Тамъ пышны каменны громады
Людей надмѣнность кажутъ намъ;

Гдѣ зрѣлись жатвы возращенны
Смиренныхъ пахарей прудомъ,
Тамъ сногсны камнемъ опягченны
Звучанъ подъ быстрымъ колѣсомъ.
Спѣши,— луговъ, полей любитель!
Спѣши теперь изъ стѣнъ градскихъ,
Будь чистой радости свидѣтель
Щастливыхъ поселянъ твоихъ;
Тебя тамъ вѣрность ожидаетъ,
Плететъ усердія вѣнецъ;
Въ тебѣ нещастный полагаетъ
Своимъ страданіямъ конецъ.
Повѣрь! все въ городѣ чужое,
Тамъ все тебѣ принадлежитъ;
Тамъ чувство истины святое
Душѣ смѣлѣе говоритъ.
Тамъ духъ градскихъ суетъ не знаетъ,
Тамъ сладкій царствуетъ покой,
Оратай нивы угобжаетъ
Въ надеждѣ жатвы золотой;
Землѣ безстрашно повѣряя
Обильныхъ часть ея плодовъ,
Въ ней хлѣбно сѣмя погребая
Награды ждетъ своихъ прудовъ.
Тамъ ждутъ тебя различны роды
Забавъ, весенних милыхъ дней;
Увидишь пляски, хороводы
Предъ мирной сѣнію твоей.

Спѣши въ мѣстахъ уединенныхъ
Узрѣть природы пышный храмъ,
Гдѣ благовоніемъ умащенныхъ
Цвѣтовъ курится фиміамъ.
Неси ей чувства, дань священну,
Тронись— тронись ея красой,
Возможноль быть невосхищенну
Ея прелестной простотой?
Спѣши въ святилище покоя,
Въ жилище непорочныхъ утѣхъ,
Чтобъ счастье ближнихъ намъ устроя
Вкушать блаженство безъ помѣхъ.

Анна Волкова.

СОВѢТЪ

ЮНОМУ МОЕМУ ДРУГУ.

Приди, о юноша любезный!
Любезный мнѣ, какъ пчеламъ сотъ!
Прими совѣтъ душеполезный,
Къ тебѣ ниспосланный съ высотъ
Чрезъ дружбу и любовь и братство.
Внемли— и я во грудь твою
Мое все сердце излію;
Хочу предать тебѣ богатство,
Котораго не крадетъ тать,
Не точитъ червь, не тлитъ и время;
Да мудрость, жизни правой сѣмя,
Въ тебѣ возможетъ процвѣтать.

Вмѣщая въ строгости ограду,
Хочусь, да гласъ мой, какъ Зефиръ,
Средь зноя вѣющій прохладу,
Душѣ твоей вдыхаетъ миръ.
Еще въ твоихъ зеницахъ ясныхъ
Веселія блистаетъ лучъ;
Еще не зрѣлъ ты грозныхъ тучъ,
Не слышалъ ты громовъ ужасныхъ,
Еще не отдѣлялся прочь
Отъ нѣдръ пристанища;— но вскорѣ
Ты будешь плавать въ бурномъ морѣ,
Умѣй навѣты превозмочь.

Какъ въ бедрахъ чувствующій крѣпость,
И въ жилахъ дмящихся огонь,
Гласящій ржаніемъ ~~свирѣпость~~,
Ретивый, рѣзвый, дикій конь,
Свободно рыщущій по полю,
Мечтая поля быть царемъ,
Впервые ощутивъ яремъ,
Впервые испытавъ неволю,
Грызетъ желѣзныя брозды,
Копытомъ воздухъ бьетъ жестоко,
То вскинетъ всадника высоко,
То мчится съ нимъ изъ бѣдъ въ бѣды.

Такъ пылкая бунтуетъ младость
Пропивъ владычества ума;
И чувствамъ уловляя сладость,
Себѣ злодѣйствуетъ сама.
Безсильная управить страсти
Къ небесной щастія метѣ,
Блуждаетъ духомъ въ суетѣ,
И съ шумомъ вержется въ напасти,
Отъ глубины во глубину,
И поздно, въ распрѣ съ небесами,
Познаетъ съ горькими слезами
Своей продерзости вину.

О другъ мой! облекись въ доспѣхи
Противу внутренныхъ враговъ,
Противъ влекущихъ на утѣхи

Прелестныхъ образомъ грѣховъ:
Прими щитъ вѣры нерушимый
И застѣняй себя отъ золъ;
Да будетъ пворческій глаголъ
Твой мечъ, ни чѣмъ неопразимый;
Какъ шлемомъ, разумъ свой покрой,
Господнимъ страхомъ благодатнымъ;
И въ брани съ временемъ развратнымъ
Явися истинный герой.

Блюдися мудрованій ложныхъ,
Сѣтей смертельныхъ для души;
Презрѣвъ глумленія безбожныхъ,
Огнемъ любови напиши
На сердцѣ чистомъ, непорочномъ,
Святаго грѣшникамъ завѣтъ.
Тогда тебѣ возблещетъ свѣтъ,
И въ мракѣ жизни сей полночномъ
Предыдетъ какъ волхвамъ звѣзда;
И ты, стезею совершенства,
Пойдешь къ святилищу блаженства,
И не предкнешься никогда.

Внимая умнымъ вѣрнымъ слухомъ
Всемірны Вышнему хвалы,
Взыскуй его смиреннымъ духомъ;
Вперяя взоръ отъ дальней мглы
Къ горящему въ свѣтилахъ своду,
Пущая сердце къ небесамъ,

Зри Бога— будь божественъ самъ.
Вездѣ, взирая на природу,
Ты можешь осязать Творца;
Но паче въ милостяхъ чудесныхъ
Во благо чадъ Его словесныхъ,
Познай нѣжнѣйшаго Отца.

Познай— и въ сладость умиленный,
Во всемъ предайся весь Ему;
Восторгомъ вѣры воскриленный,
Стремись къ началу своему:
Онъ жизнь— и жизнію безсмертной
Душа лишь въ Немъ одномъ живетъ.
Такъ къ солнцу, стройный солнцевъ свѣтъ,
Вперенъ любовію усердной,
Заемлетъ отъ его очей
И жизнь и блескъ свой златоцвѣтной,
И вянетъ съ горестью примѣтной,
Лишась благихъ его лучей.

Питая вѣры теплотою
Божественну въ себѣ любовь,
На смерть боримый суетою,
Всечасно возраждайся вновь
Молитвой пламенной, сердечной.
Мольбы летящи отъ сердецъ
Срѣтаетъ съ высоты Творецъ,
Пріемлетъ, щедритъ мздою вѣчной;

Какъ сладкій отъ кадила дымъ
Онѣ благоухаютъ Богу,
И радость, паче слова многу,
Вдыхаютъ Ангеламъ Святымъ.

Какъ якорь зубомъ изогнутымъ
Пронзая землю въ глубинѣ,
Противяся стихіямъ лютымъ,
Корабль содержитъ въ тишинѣ:
Такъ вѣра сохранитъ собою
Тебя безбѣдственна средь бѣдъ.
Но естьли въ поприщѣ побѣдъ,
Ослабнешь утомясь борьбою,
Соступишь съ истинной стези;
Пролей, внявь совѣсти упреки,
Раскаянія слезны рѣки,
И гнѣвъ небесный угаси.

Господь начало всякой власти,
Народамъ онъ даетъ вождей,
Вождямъ давъ мощь свою отъ части,
Возводитъ въ Боги изъ людей.
И ты, отъ вѣры просвѣщенный,
И волю совѣсти творя,
Въ лицѣ кротчайшаго Царя,
Чти образъ видимый, священный,
Невидимаго Божества.
Державный санъ— яремъ златистый;

Но тяжестью— Кавказъ кремнистый
Для силъ земнаго существа.

Монархъ величествомъ прославленъ,
(Царь славы судія ему,)
Да судитъ, истинной направленъ,
Судъ правый царству своему.
Да духомъ усиѣ разитъ пороки,
Да будутъ всѣ его дѣла
Ему и Вышнему— хвала,
Подвластнымъ— доблести уроки;
Да благомъ подданныхъ дыша,
Владѣя слугами имъ въ порфирѣ.
Въ народѣ Царь, что солнце въ мірѣ,
Царь царства своего душа.

Онъ движетъ симъ огромнымъ цѣломъ,
Самъ движимъ Божіей рукой,
Радѣетъ о составѣ цѣломъ,
Крѣпитъ общеспасенный покой;
И въ сей громадѣ многосложной,
Единства духомъ оживленъ,
Спремиться долженъ каждый членъ,
Со всею ревностью возможной,
На свой общеполезный прудъ;
И въ гласѣ каждаго закона
Сходящемъ съ выспренности трона,
Внимать небесной правды судъ.

Давъ славу лицамъ высочайшимъ,
Долгъ первый воздавать любовь
Изъ смертныхъ всѣхъ для насъ дражайшимъ
Которыхъ въ насъ струится кровь.
Чрезъ нихъ отъ творческой щедроты,
Пріявъ къ блаженству бытіе;
Къ нѣмъ сердце прилѣпить свое,
Отъ нихъ наслѣдовать доброты,
И къ нимъ благоговѣть всегда,
Являть покорство безпредѣльно,
Жить съ ними духомъ нераздѣльно,
Собой щитить ихъ отъ вреда.

И ты смиреньемъ нековарнымъ,
Умаливъ самъ себя вконецъ,
Ревнуй симъ чадамъ благодарнымъ,
О коихъ, общій всѣхъ Отецъ
Благоволитъ во славѣ вѣчной.
Но ахъ! родитель твой драгой,
Едва ты въ міръ ступилъ ногой,
Изшелъ отъ жизни скоротечной,
Оставивъ Вышняго судьбѣ
Пещися о младенцѣ сиромъ;
Но дышетъ мать земнымъ эфиромъ,
И дышетъ нѣжностью къ тебѣ.

Будь въ скорбной старости ей радость;
Во цвѣтѣ твоея весны

Ея да обновится младость;
Да будутъ мирны и красны
Осенни дни ея любою.
Коль много въ ней обрѣлъ ты благъ!
Когда, рожденный, слабъ и нагъ,
Не могъ существовать собою,
Живила жизнь твою она;
Отъ смерти хищной и ненытной
Она была тебѣ защитной,
Отъ всѣхъ опаснѣйшей стѣна.

Блюла любовію прилѣжной
Лелѣя своего птенца;
То взоръ ея веселой, нѣжной,
Поверхъ любезнаго лица,
Висѣлъ, на долгій часъ недвиженъ,
То слухъ внимательный ея
Былъ спражемъ жизни твоея,
Къ дыханью твоему приближенъ.
Весь міръ сей былъ въ тебѣ одномъ;
Въ часы всеобщія дремоты,
Носились о тебѣ заботы
Между очей ея и сномъ.

Когда же тяжкою рукою,
Коснувшись сонъ ея очей,
Смыкалъ ихъ къ крапкому покою,
То сердце бодрствовало въ ней;

Малѣйшимъ шумомъ пробужденна,
Какъ будто громкою трубой,
Душей сливалася съ тобой.
Въ трудахъ, трудами награжденна,
Вкушала радости одни;
И возрастъ твой вознесся спройно,
И цвѣлъ и созрѣвалъ спокойно
Въ ея пріятнѣйшей тѣни.

Будь ближній всѣмъ тебѣ подобнымъ
Не тщетнымъ именемъ однимъ;
Но духомъ искреннимъ, незлобнымъ,
Но сердцемъ приближайся къ нимъ.
Любить людей— блаженство наше!
Любезныхъ братій зрѣнь во всѣхъ,
Нѣтъ вящщихъ на земли утѣхъ,
И нѣтъ добра подъ солнцемъ краше!
И ты, чтобъ райской сей любви
Испить животворящи токи,
Дерзай на поприща жестоки,
И всѣ косненія прерви.

Но зло и благо въ мірѣ смежны,
Какъ черна тѣнь и яркій свѣтъ,
Какъ терніе и розы нѣжны,
И въ смертномъ каждое живетъ,
Да будетъ дружество священно
Водитель юности твоей,
Ты тайны совѣсти своей

Ему повѣдай несмущенно,
Не скрой намѣреній во тьмѣ,
И всѣ желанія исчисли;
Да первое оно зритъ мысли
Свѣтающи въ твоемъ умѣ.

Благая дружества бесѣда
Отъ скорьби сердцу врачество,
И пища духу— слаще меда,
Для правды миръ и празднество.
Вкушая дружбу человѣки.
Вкушаютъ небо въ жизни сей;
Будь медленъ въ выборѣ друзей,
Избравъ— не оставляй вовѣки;
Душею съ другомъ сопряженъ,
Дѣля и горесть съ нимъ и радость,
И въ горести ты вкусишь сладость,
И будешь въ радости блаженъ.

Мужайся низлагать соблазны,
Которыхъ скопы встрѣтишь ты;
Они какъ тартаръ безобразны,
Но гнусныя свои черты
Прикрывъ личинами изрядства,
Умѣютъ мрачные блестѣть,
И юность уловляютъ въ сѣть;
Прельщаютъ роскошью богатства,
Прельщаютъ пышностью честей,
И всякой чувственной угодой,

А паче пагубной свободой
Нечистыхъ, буйственныхъ страстей.

Корыстнь ихъ вождь— всему, что свято,
Ругаясь съ адскимъ торжествомъ,
И грязь, созрѣвшую во злато,
Признавъ всесильнымъ божествомъ,
Ее несчетными трудами,
Чрезъ ложь, предательство и лесть,
Всемѣрно тщится пріобрѣсть.
Толпятся смертные стадами
Покорствовать ея жезлу,
И вержутся предъ нею съ плескомъ;
Она мрачитъ ихъ разумъ блескомъ,
И гонитъ ихъ отъ зла ко злу.

Пусть скупость жадная, лихая,
Отъ двери пхаетъ сироту;
И лихвы къ лихвамъ прилагая,
Въ богатствѣ терпитъ нищету;
Томится въ мукахъ непрестанныхъ,
И къ мукамъ снидетъ въ смертный ровъ.
Но ты опъ жизненныхъ даровъ,
Безмездно свыше изліянныхъ,
И въ мѣру наслаждайся самъ,
И бѣднымъ съ кротостью драгою,
Давай пространною рукою,
Во славу щедрымъ небесамъ.

Пусть лесть поетъ пріятно въ уши,
Манитъ улыбкой смертныхъ взглядъ,
И тихо вкрадываясь въ души,
Ліетъ въ нихъ гибельный свой ядъ;
Въ совѣтахъ, въ замыслахъ лукавыхъ,
Увязнетъ хитрая сама,
Но ты отъ сердца и ума,
Ревнитель чувствъ и мыслей правыхъ,
Отгнавъ коварство простотой,
Не будь предъ міромъ двоедушенъ;
Будь гласу истинны послушенъ,
И въ истинѣ крѣпись и стой.

Пусть гордость, выею высокой
Грозитъ расторгнуть звѣздный сводъ,
И въ тинѣ пропасти глубокой
Мечтаетъ видѣть смертныхъ родъ;
Сразится мстительнымъ перуномъ,
И въ бездну свергнется спремглавъ.
Но ты смиреніе объявъ,
Красуйся имъ и въ вѣкѣ юномъ,
Красуйся имъ и въ сѣдинахъ,
И внѣдри въ мысли умудренной:
Почто гордится въ жизни бренной
Предъ пепломъ пепелъ, предъ прахомъ прахъ?

Пусть нѣга, съ прихотьми не споря,
Гнѣтется тяжкимъ ихъ ярмомъ;

И въ роскоши, какъ въ сердцѣ моря,
Лежитъ разслабленна умомъ,
Недужна, вѣтротлѣнна пѣломъ,
Снѣдаетъ жизнь свою въ пирахъ.
Но ты— чистѣйшій Божій страхъ
Отъ дѣтства воспріявъ удѣломъ,
Гнушался суетныхъ забавъ;
И пусть умѣренность свящая,
Тебѣ всегда сообитая,
Крѣпитъ и духъ твой и составъ.

Пусть зависть рветъ свою утробу,
И силится, подъемля ревъ,
Излаять изъ себя всю злобу,
На лавръ достоинства воззрѣвъ;
И козни строитъ въ сердцѣ дикомъ,
Чтобъ міръ въ печали унывалъ.
Но ты, достойное похвалъ,
Хвали некосненнымъ языкомъ,
И гласъ твой да не будетъ тихъ;
И въ чуждой участи щастливой
Участвуй радостью нельстивой,
Цвѣти въ веселіи другихъ.

Пусть наглость, чувства воли злыя
Зачавъ въ сердечной глубинѣ,
Изъ скверныхъ устъ слова гнилыя
Со смѣхомъ извергаетъ внѣ;

Внимаетъ юность съ любопытствомъ
И гибнетъ отъ ея отравъ.
Но ты спасай свой кроткій нравъ;
Опъ лицъ, помѣшанныхъ безстыдствомъ,
Отъ срамной дерзости рѣчей,
Бѣги въ стыденіи суровомъ;
Будь чистъ и мыслію и словомъ,
Будь чистъ и взглядами очей.

Пусть праздность плачется отъ скуки,
Скорбитъ унылая вездѣ,
Томитъ бездѣйствіемъ умъ и руки,
Спрашась и мысли о трудѣ;
Сама себѣ и ближнимъ бремя,
Зѣвотой поглощаетъ дни.
Но ты— въ душѣ своей цѣни
Дороже всѣхъ сокровищъ— время,
Какъ съ жизнью распавайся съ нимъ,
Безплодно не теряй мгновеній;
И знай— что мы изъ всѣхъ имѣній
Лишь время можемъ звать своимъ.

Бесѣдуй съ прошлыми часами,
Испытывай свои дѣла,
Извѣсь безстрастія вѣсами,
И рви изъ сердца корень зла.
Вѣщать и дѣлать начиная
Воспомни свой послѣдній день;

Воспомни, что какъ сонъ, какъ тѣнь,
Исчезнетъ наша жизнь земная,
И мы отъ нашихъ дѣлъ и словъ,
Судимы правдою Господней,
Или восплачемъ въ преисподней,
Или взыграемъ межъ боговъ.

О часть души моей драгая!
Мой другъ! слова сіи внушивъ,
И въ сердцѣ оныя слагая,
Покорствуй имъ доколѣ живъ.
Не оплетайся суетами;
Питая ненависть ко лжи,
И правдой духъ вооружи,
И правду возвѣщай устами.
Вмѣняй притворство въ стыдъ и срамъ,
И будешь съ совѣстью согласенъ,
Какъ солнце доблестію ясенъ,
Живой живаго Бога храмъ.

Князь Сергій Шихматовъ.

ПѢСНЬ

Каменскому второму,

написанная по полученіи извѣстія о его кончинѣ Маія 1811 года.

Et lacrymas vidimus ire Deo. Properc.

Орелъ, которому Царь Сѣвера вручилъ
Свой пламенный перунъ противу бурныхъ силъ,
Отъ Юга дышущихъ къ Полунощи войною,
Орелъ сей, въ воздухѣ ширяясь надъ луною,
Держа въ когтяхъ чалму, въ обширности небесъ
Паря къ безсмертію въ подсолнечной, изчезъ...
Балкански горы все еще въ недоумѣньи,
Уже ли Сѣверный Орелъ въ своемъ пареньи,
Носясь среди громовъ и бурь, навѣкъ уснулъ?
Такъ... очи смертный сонъ Каменскому сомкнулъ.
Россія о своемъ героѣ возрыдала,
У трона перла слезъ Монаршая упала.

Недавно черный вранъ на башнѣ прокричалъ,
Смерть славнаго вождя конечно предвѣщалъ,
Сбылось зловѣщее пророчество..., свершилось...
Явленье чудное великихъ дѣлъ сокрылось!

Герой! ты удушить могъ льва одной рукой,
И, на копьѣ своемъ подъявъ луну другой,
Играть судьбами Царствъ, срывать вѣнцы съ ширановъ
И въ трепетъ приводить кичащихся Султановъ,
Огнь мужества средь льдовъ въ сердцахъ воспламенять,
На Югѣ жаръ водой Дунайской прохлаждать.
О чудо дивное военнаго искуства!
Гдѣ скрылось ты? Гдѣ вождь героевъ? мертвъ... безъ чувства...

Теките горькихъ слезъ источники изъ глазъ!
Безсмертной жизни лучъ въ часъ утренній погасъ;
Возможно ль не скорбѣть и слезъ своихъ стыдиться,
Когда Отечество вздыхаетъ и крушится,
Сколь славныхъ, сколь младыхъ лишаяся дѣтей?
Сокрытъ на вѣкъ въ землѣ громъ славы, цвѣтъ вождей!
Все воинство о сей потери возжалѣло,
И какъ бы безъ отца осирошѣвъ, скорбѣло;
Печалью стала грудь Петрополя полна—
Одна лишь блѣдная и робкая луна
Свой зракъ сквозь облака украдкой осклабляла,
Унынiе страны полночной освѣщала;
Ни врановъ хищныхъ крикъ, ни хриплый голосъ совъ,
Ни стоны филина, ни завыванье псовъ,
Ни въ полночь по гробамъ блудящи тѣни тощи,
Сомкнуть ей не могли сверкающiе очи.

Но кто со слезными очами — на зарѣ—
Сѣдитъ среди холмовъ, возведши взоръ горѣ,

Съ разсыпавшимися по раменамъ власами,
Свѣтило дневное привѣтствуетъ слезами
И произноситъ тамъ плаченныя слова?
То матерь городовъ Россійскихъ— то Москва
Рыдаетъ о своемъ умершемъ гражданинѣ,
О преждевременной Каменскаго кончинѣ...
Рыдаетъ— и потокъ слезъ горькихъ и тоску
Какъ въ урну нѣкую кристальную— въ Оку
Со стономъ ропотнымъ и скорбнымъ изливаетъ,
Съ смятеніемъ струи слезъ урна принимаетъ
И быстрой Волгѣ ихъ, стеня, передаетъ . . .
Восплакалъ, возрыдалъ Россійскій весь народъ,
И горесть братняя, и матерни рыданья
Слились въ единый гласъ всеобщаго стенанья.

Смерть люта́я! смотри, кого твой серпъ пожалъ?
Давно ли съ Сѣвером ъ онъ Югъ соединялъ? . .
. . . И грозный сей Перунъ зарытый подъ землею
Не будетъ страшенъ ужъ вѣнчанному злодѣю!

Подъ кровомъ голубымъ безоблачныхъ небесъ,
При свѣтѣ блещущей луны изъ-за-древесъ,
Какъ умиралъ во мглѣ лучъ солнца потухая,
На злачномъ берегу шумящаго Дуная,
Герои Сѣвера сошлись и стали вкругъ;
Одинъ изъ нихъ, вздохнувъ, сказалъ: нашъ умеръ
другъ!
Слезами на сіе Герои отвѣчали,
И, на мечи склонясь, всѣ горько возрыдали.
Ихъ плачъ и стонъ сердца Балканскихъ горъ потрясъ;
Тогда, взявъ лиру, Бардъ вѣщалъ, возвыся гласъ:

Такъ, Випязи, вашъ другъ — Россіи сынъ скончался,
Но вашъ отецъ еще для васъ въ живыхъ остался. . .
. . . Тутъ взоры каждаго искали зрѣнь того,
Надежда крѣпкая кто воинства всего,
Кто, знаменитому подобяся Камиллу,
Образовалъ въ себѣ великій духъ и силу
Карать Отечества враговъ и истреблять
И отъ грозящихъ бурь Отечество спасать,
Кого отважный Шведъ, Сарматы, Турки, Галлы
На полѣ ужаса и славы трепетали,
Кто прозорливостью, терпѣньемъ, правотой
Злыхъ ковы расторгалъ и теръ ихъ подъ пятой. . .
Межъ тѣмъ, какъ зрѣть его желали несказанно,
Бардъ Сѣвера воспѣлъ;„ я видѣлъ утромъ — рано
„(Въ то время соловей пѣлъ гимнъ веснѣ златой
„И первый солнца лучъ игралъ въ травѣ цвѣтной)
„Я видѣлъ въ полѣ кринъ — и онымъ восхищался,
„Но вдругъ вѣтръ зашумѣлъ, цвѣточикъ зашатался,
„Къ полудню Флоры сынъ безвременно завялъ,
„И въ полдень зоркими красавица очами
„Пришла искать его въ травѣ между цвѣтами,
„Хотѣла, чтобы онъ ей перси украшалъ.
„Вотще по чистому дѣвица полю ходитъ,
„Весенняго цвѣтка весною не находитъ;
„Вотще на мѣстѣ томъ, гдѣ росъ онъ, слезы льетъ,
„Цвѣтокъ ужъ болѣе для ней не разцвѣтетъ.
„Военныя трубы здѣсь звуки раздадутся,
„На поле ратное герои соберутся,
„Имъ солнце красное освѣтитъ къ славѣ путь;
„Вотще сберетъ оно лучи, дабы блеснуть
„И міру показать вождя полковъ младаго,
„Не сыщетъ на землѣ Каменскаго втораго.

„Вихрь бурный помрачитъ Россійскій небосклонъ,
„Подуетъ съ Запада и поколеблетъ тронъ,
„Отечество съ Царемъ къ сынамъ своимъ воскликнутъ;
„Ихъ клики до сердецъ Россіанъ всѣхъ проникнутъ;
„На гласъ Отечества зовущій притекутъ:
„Кутузовъ, Тормасовъ, Купайцевъ, Коновницынъ,
„И Кульневъ — богатырь, и Платовъ диво свѣта;
„И Милорадовичъ — спаситель Бухареста,
„И Князь Багратіонъ — честь воинства всего;
„Окинувъ ихъ Москва всѣхъ взорами своими,
„Еще единаго поищетъ, между ими,
„И не найдетъ нигдѣ любимца своего...
„Восплачется о немъ печальная Столица,
„И будетъ сѣтовать, какъ горькая вдовица,
„Отретъ источникъ слезъ у матери градовъ
„Старѣйшій изъ ея возлюбленныхъ сыновъ.
„Его восхвалитъ Царь, сіяющій въ порфирѣ,
„Пѣвецъ Суворова на златострунной лирѣ
„Великаго вождя героевъ воспоетъ,
„И солнце на него съ весельемъ свѣтъ прольетъ;
„Примѣромъ дѣлъ своихъ великихъ, несравненныхъ
„Онъ образуетъ духъ воителей почтенныхъ
„Подобныхъ славному Каменскому въ дѣлахъ,
„Сей духъ наслѣдственнымъ пребудетъ въ ихъ сынахъ.„
. . . Такъ пѣнье кончилъ Бардъ — герои восклескали
И взорами вездѣ Кутузова искали.

Д. Васильевскій.

Конецъ.